

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

DOI: 10.17805/zpu.2024.2.18

Телесный аспект социальной философии Артура Крокера: от панической сексуальности к исчезновению тела

Д. К. МИНАЕВ

Институт философии РАН

В данной статье автор обращается к проблематике телесности, представленной в ранних работах популярного в англоязычном мире, но мало известного в России канадского медиатеоретика и социального философа Артура Крокера. В начале интеллектуальной карьеры Крокер занимался переосмыслением современности, противопоставив постмодерну сначала проект ультрамодерна, а позднее и «состояние гипермодерна», причем сделал это задолго до французского социального философа Жиля Липовецкого.

Уже на раннем этапе творчества одним из главных топосов для мыслителя было человеческое тело, естественная смысловая целостность которого расщеплялась культурой паники, медиализацией, предвосхищением техногенных преобразований. Интерес к человеческому телу как средоточию симптомов актуальных социально-политических проблем пронизывает все творчество философа, поэтому представляется важным анализ исходных концептов, положивших начало «телесной» социальной философии Крокера: «панической сексуальности» и «исчезающего тела».

На примере статей «Панический секс в Америке» и «Тезисы об исчезновении тела в состоянии гипермодерна», написанных Артуром Крокером в соавторстве с его супругой и единомышленником Мэрилуизой Крокер, предпринимается попытка показать формирование авторской стратегии обращения к телу как к предмету актуальной социально-философской мысли.

Ключевые слова: Артур Крокер; постмодерн; гипермодерн; гиперреальное; социальная философия; человек; человеческое тело; культура паники; медиализация; Стеларк; Франческа Вудман

ВВЕДЕНИЕ

Социально-философской литературой в России традиционно интересуются не только академическое сообщество и профессиональные философы, но и широкая публика, а полки книжных магазинов регулярно пополняются новыми или недавно открытыми авторами. Пристальное внимание тем не менее всегда подразумевает и собственные слепые пятна: важные и ценные ученые иногда оказываются

незаслуженно забыты или игнорируются. Имя канадского медиатеоретика и социального философа Артура Крокера нечасто встречается в работах отечественных исследователей, хотя впервые появилось в контекстах русскоязычной гуманитарной науки еще в начале 2000-х гг.

Так, в 2003 г. в энциклопедии «Социология» вышла подробная обзорная статья Д. В. Галкина об Артуре Крокере (Галкин, 2003: 489–490). Канадского теоретика также упоминал философ М. Н. Эпштейн в работе «Философия тела», вышедшей в 2006 г. (Эпштейн, 2006: 13). Позднее, в 2019 г., к творчеству Крокера обращался философ Александр Владимирович Павлов, однако он рассматривал идеи канадского мыслителя именно в рамках дискуссии о постмодерне (Павлов, 2019: 154–159). Павлов оказался едва ли не единственным автором, предпринявшим попытку внимательного и глубокого анализа творчества Артура Крокера, и исходил не только из влияния творчества Крокера на теорию медиа, а именно из философской ценности его творчества. Павлов показал, что в 1980-х гг. Крокер одним из первых занялся переосмыслением современности, противопоставив постмодерну сначала проект ультрамодерна, а позднее и «состояние гипермодерна», причем сделал это задолго до французского социального философа Жиля Липовецкого (Павлов, 2019а, Павлов, 2019б).

За почти 50 лет интеллектуальной карьеры Крокер выпустил 14 книг, он также выступил редактором множества сборников, не говоря уже о десятках статей и главах в коллективных монографиях, вышедших под его авторством, однако ни одна из его работ до сих пор не была издана на русском языке. Крокер также стоял у истоков известного журнала *Stheory* (1993–2017), объединявшего на протяжении двух десятилетий философов, политических мыслителей, медиатеоретиков, писателей и художников. В журнале публиковались такие известные интеллектуалы, как Славой Жижек, Юджин Такер, Реза Негарестани, Лев Манович и др.

Тематически *Stheory* был сосредоточен вокруг социально-философского осмысления современных технологий и в особенности виртуальной среды и киберкультуры, а также того, как новые технологии и новые медиа видоизменяют привычное представление о человеке. Таков и исследовательский репертуар самого Крокера. В 1980-х гг. он одним из первых обратился к социально-философскому анализу последствий эпидемии ВИЧ-инфекции, в 1990-х гг. стал пионером в исследованиях киберкультуры (Kroker, Weinstein, 1994). Ранние тексты из-за их стилистической своеобразности снискали ему репутацию если и не рок-звезды от мира академии, то своеобразного контркультурного автора, то ли сочиняющего художественные произведения с помощью академического инструментария, то ли маскирующего теорию с помощью средств художественной выразительности (Genosko, 2005: 317). Писатель Брюс Стерлинг, один из отцов-основателей киберпанка в литературе, даже заметил, что творчество Крокера оказалось для него ключом к пониманию социально-политической и культурной действительности 1990-х гг.: от падения Восточного блока до экспоненциальной гипертрофии технологического окружения человека (Sterling, 1993: 1–4).

Позднее мыслитель также обращался к проблемам идеологии и власти и разрабатывал проблематику постгуманизма, исследовал взаимовлияние современных технологий и культуры, а предпоследняя книга автора, вышедшая в 2021 г., была посвящена осмыслению последствий коронавирусной пандемии, распространения «новых медиа» и технологий новой реальности (Kroker A., Kroker M., 2022).

Важно отметить, что Крокер — именно канадский мыслитель, и в этом случае национальная идентичность автора важна для понимания интеллектуального контекста его работ. Свою первую книгу «Технология и канадский разум» Крокер посвятил интерпретации творчества трех выдающихся канадских мыслителей — Инниса Гарольда, Джорджа Гранта и Маршалла Маклюэна (Kroker, 1984). В понимании Крокера канадская интеллектуальная культура оказалась на полпути между американской одержимостью настоящим и укорененностью европейской культуры. Канадский дискурс оказался, с одной стороны, чужд властным претензиям и гордыне американской империи, с другой стороны, признавал укорененность проблем современности в давних противоречиях континентальной традиции, а одной из его главных тем стало критическое осмысление технологий. И в этом смысле сам Крокер предстает исконным канадским мыслителем: на протяжении всей своей карьеры он внимательно исследовал воздействия технологий на человека и общество, однако делал это по-новому на необычном для политического теоретика и социального философа предмете — человеческом теле. Тело оказалось одним из главных топосов мысли Крокера: для каждой микроэпохи он создавал новые телесные концепты: исчезновение тела, дизайнерское тело, незаконное тело, гипертекстовое тело, рекомбинированное тело, телесный дрейф, DIY-тело и др. Притом сами эти концепты были не отрешенными фантазмами, а каждый раз оказывались предельно когерентны окружающему миру и тем самым являлись примером того, как социальная философия способна быть философией эмпирической (Писарев, 2018). Далее мы рассмотрим два ранних «телесных» концепта Крокера — паническую сексуальность и исчезновение тела.

ПАНИЧЕСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ НА ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ СЦЕНЕ

Телесная проблематика возникает уже в первой программной работе Крокера «Постмодернистская сцена. Экскрементная культура и гиперэстетика», написанной им в соавторстве с философом Дэвидом Куком (Kroker, Cook, 1987).

Критически интерпретируя североамериканскую культуру 1980-х гг., исследователи отмечают важность понятия трансгрессии для понимания современности и постмодерна. Притом само понятие трансгрессии они перенимают из прочтения Мишелем Фуко творческого наследия Жоржа Батайя (там же: 8–9). Трансгрессия полагается не простым нарушением запрета или преодоления границы, а неким актом, который позволяет объять различие между наличествующим и отсутствующим и выскользнуть из него. Метафорически трансгрессия может быть описана как ночная вспышка молнии, не принадлежащая ни дневному свету, ни сумраку и оставляющая обе противоположности позади себя. Как показал философ С. Н. Зенкин, в фукодианском прочтении трансгрессия противопоставляется традиционному поиску тотальности и игре противоречий и становится чистым утвердительным и длительным актом, в котором человек пытается раз за разом выйти за собственный предел, в беспредельность, где вновь обретает новую «о-пределенность» (Зенкин, 2019).

Крокер и Кук, однако, используют понятие трансгрессии, объединяя его с собственными ницшеанскими интуициями. Для них постмодернистская трансгрессия — это преодоление двух традиционных «телесных» крайностей. Первая связана со взглядом, в котором человеческое тело представляется могилкой души, источником страданий и игрушкой в руках времени. Вторая крайность — это восприятие

тела через его витальную мощь и способность быть источником удовольствий. Трансгрессивное тело, из «кровотокающих тканей» которого, по мнению исследователей, исходит постмодернизм, подразумевает пребывания в состоянии, опутывающем меланхолию и праздник и проходящем по границе экстаза и разложения (Kroker, Cook, 1987: 10).

Для того чтобы понять постмодернистское тело, Крокер и Кук предлагают обратиться к его «постструктуралистским» болезням: нервной анорексии, герпесу и СПИДу, каждая из которых может быть рассмотрена через философские образы.

В 1982 г. Фредрик Джеймисон в работе «Политическое бессознательное» заметил, размышляя о связи реалистической традиции в литературе с логикой желания и идеологией, что главный персонаж романа Гюстава Флобера «Воспитание чувств» Фредерик Моро оказался антигероем реалистического канона из-за своей «анорексии» — он утратил силы желать что-либо (Jameson, 1982: 185).

Психическое состояние, известное как Anorexia Nervosa и ассоциируемое преимущественно с молодыми женщинами, для которого характерна опасная для жизни потеря веса, потеря аппетита и настойчивый отказ от приемов пищи, болезненная фиксация на собственном весе и боязнь полноты, во второй половине XX в. приняло масштабы эпидемии в Северной Америке. В конце 1980-х гг. в США от нервной анорексии умирали около 150 тыс. чел. Более того, хотя нервная анорексия является психическим заболеванием, многие люди верили, что ей можно заразиться. В общественных дискуссиях и в массовой культуре анорексия подвергалась такой же тривиализации, как и депрессивные и тревожные расстройства в настоящее время; анорексия также основательно укоренилась в культурном вокабуляре (Heywood, 1996).

Крокер и Кук считают, что нервная анорексия оказалась симптоматичной для постмодернистских времен, поскольку являлась не болезнью желания — нехваткой чего-либо, а, напротив, воплощала систематическую ликвидацию и желания, и самого себя. Утрата аппетита, как и борьба с ним, приводят к избавлению от собственной массы, или, иными словами, большой анорексией систематически ликвидирует сам себя, наблюдая исчезновение собственного тела.

Если большой анорексией погибает в поисках собственного фантазма — идеально худого тела, то герпес маркирует вынос нашей нервной системы на поверхность. Герпесвирусы затрагивают нервную систему человека, хотя их наиболее частым симптомом является высыпание на губах. Для Крокера и Кука эта болезнь представляет метафорическую ценность, поскольку показывает, что глубинный слой человеческого тела — нервная система — репрезентируется на наиболее личном и репрезентативном уровне — человеческом лице, будто бы внутреннее и внешнее оказываются слиты в одном коммуникационном потоке.

СПИД, главный прекурсор панической культуры, в свою очередь, провоцирует утрату социальной солидарности и задействует логику социального исключения. Страх заражения и неизвестность, окружающая механизмы передачи ВИЧ-инфекции, в 1980-х гг. порождает избегающую модель отношения к телесности — сексуальность без тела и без телесных выделений (Kroker, Cook, 1987: 24–25).

В этом смысле авторы говорят о двух смертях сексуальности. Крокер и Кук считают, что в первой смерти сексуальности «повинен» Мишель Фуко, показавший, что в обществе наличествует исторически и культурно обусловленный дискурс о сексуальности, который преграждает нам путь к нашей собственной, естествен-

ной сексуальности. Вторая смерть сексуальности происходит «между медикализацией тела и технификацией репродуктивных функций» и инициируется именно угрозой заражения, а также первой виртуализацией сексуальных отношений — культурой секса по телефону. Тревога проникает в интимность и провоцирует избегание любого прямого контакта с телом другого человека, а новые репродуктивные технологии позволяют продолжить род без необходимости вовлечения в сексуальные отношения (там же: 15).

Эти идеи подробнее раскрываются Артуром Крокером в двух статьях, написанных в соавторстве с его супругой — философом Мэрилуизой Крокер и вошедших в сборник, составленный под их совместной редакцией, — «Похитители тел. Панический секс в Америке» (*Body Invaders: Panic Sex in America*, 1987). В первой статье под названием, вошедшим в заголовок сборника, — «Панический секс в Америке» (Kroker A., Kroker M, 1987a: 10–19) — исследователи подробно анализируют изменения в социально-философском осмыслении человеческого тела, инициированные паникой перед эпидемией ВИЧ-инфекции.

Крокеры предлагают понятие «телесный маккартизм» — общественная зацикленность на внутренней телесной чистоте. Для телесного маккартизма характерна прежде всего «уринальная политика»: распространение биовласти вглубь самого тела через повсеместное распространение практики анализов крови и телесных выделений. Культура паники, характерная для гипермодерна, — а именно это понятие будут разрабатывать философы во второй статье, — производит иммунологические дискурсивные практики, в которых внутренне чистое, «иммунное» тело противопоставляется телам токсичным (там же: 10–11).

Философское и сакральное измерение чистоты самой по себе не является новаторской идеей. Так, еще антрополог Мэри Дуглас ассоциировала загрязнение с опасностью (Дуглас, 2000). Но новаторским оказывается именно наблюдение о контроле над невидимым, о паноптиконе, в котором чистота и опасность выявляются лишь по телесным следам, благодаря медицинским анализам. Культуролог Питер Найт также отмечает связь между концепцией Крокеров и идеологизированной паранойей (Найт, 2010: 322). Обсессии идеальной чистоты флюидов и панический страх вирусных заражений, появившиеся в 1980-х гг., в конечном счете сигнализируют о том, что тело само по себе становится призрачной, недостающей материей в культуре одержимости следами человеческих внутренностей (Kroker A., Kroker M, 1987a: 10–11).

Важно, что Артур и Мэрилуиза Крокеры отмечают параллелизм между «вирусными» социально-политическими коннотациями человеческого тела и самой социально-политической жизнью гиперсовременного общества (там же: 10–13). Так, государство начинает мыслиться в качестве гипертрофированной иммунной системы, сберегающей здоровые клетки-тела от нашествия тел-вирусов. Общество пытается сохранить фундаменталистский образ тела, выдавая полицейским латексные перчатки для взаимодействия с ВИЧ-активистами на демонстрациях, а узники тюрем и нелегальные мигранты подлежат новому глубинному контролю — тестированию (там же: 12).

Осмысление эпидемии ВИЧ-инфекции в публичном пространстве уподобляется научно-фантастическому спектаклю франшизы «Звездные войны» (там же: 12–13). Милитаристская риторика межгалактических фильмов Джорджа Лукаса и медицинская риторика вокруг заражения ВИЧ совпадают как внешнее и внут-

реннее одного и того же нарратива о поломке иммунитета. Технологический иммунитет политического ландшафта «Звездных войн» находится в ситуации внешнего кризиса — бомбардировок корабля «Звезда Смерти»; боеголовки уподобляются вирусам, а лазеры — В-лимфоцитам. В конечном счете, заключают Крокеры, суть «телесного маккартизма» в политике описывается паническим страхом метафорического заражения и поиском подходящего образа идеального общественного иммунитета (там же: 11–12).

С новой телесной политикой меняется и сама сексуальность, ставшая в коллективном воображаемом областью смертельной опасности. Крокеры считают, что новое понимание сексуальности, появившееся в 1980-х гг., может быть интерпретировано исходя из логики «наслаждения катастрофой» (там же: 13–14).

Сравнивая социальную истерию перед опасностью заражения ВИЧ с описанием афинской чумы у Фукидида, исследователи приходят к выводу, что порядок, в котором статус тела как гробницы следовал за телом, источником удовольствий, оказался нарушен. СПИД, который, как считалось поначалу, затрагивал лишь жизнь сексуальных меньшинств, оказался потенциальной угрозой для всех вне зависимости от гендера и сексуальной идентичности, что было встречено большинством в полярных реакциях триумфального неверия и фатализма, а также сдобрено расцветом социального цинизма, вспышкой самоубийств, упадком благотворительности и, наконец, проявлениями «гиперматериализма» — экономическим кризисом, отобразившим всеобщее обесценивание классических материальных означающих: ценных бумаг, товаров, предметов искусства (там же: 14–15).

В этих метаморфозах, как считают исследователи, вырисовывается портрет панической сексуальности, для которой наиболее характерна «логика уничтожения». Тело приобретает в публичном восприятии образ фильтра для микробов и заразы, оно кодируется террором, одновременным отвращением и потайным соблазном гибели. Распространяются фобии нарушенных поверхностей, позволяющих в параноидальной реакции видеть в других прежде всего носителей, захваченных вирулентными агентами и паразитами. Телесные жидкости, порезы, пирсинг, татуировки, операции — во всем видится провокация заражения (там же: 15–17). Паническая сексуальность, отражающая общую логику постмодернистского ощущения конца (Афанасов, 2022), оказывается гиперреальным сексом без органов и секреции, т. е. телефонным или компьютеризированным, и основывается на сексуальных отношениях, в которых больше нет тела, но есть жестокое, дегуманизирующее отношение к телесности другого, демонстрирующее упоение смертностью.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ТЕЛА

Отсутствие тела, а вернее — его «исчезновение в состоянии гипермодерна» вынесено в название второй статьи Крокеров «Т» (Kroker A., Kroker M., 1987b). Ученые обращаются к синхронным процессам эстетизации посредством фрагментации: «гиперэкстериоризации» и «гиперинтериоризации» (там же: 20–23).

Под «гиперэкстериоризацией» они понимают технологическое удвоение и овнешнение органов в маклюэновском смысле: компьютеры, заменяющие память, наушники, дополняющие слуховой опыт, медицинские сканеры, проникающие под кожу, которая, в свою очередь, проходя семантическую перекодировку в массмедиа и мире моды, становится отчужденной (там же: 22). Разъединение тела на от-

дельные области-функции, как считают исследователи, — это и есть суть технологического общества и продвинутого капитализма, которые рассматривают тело как подвижный и переменчивый набор татуировок-означающих.

Задействованы оказываются и дискурсивные практики, которым принадлежит тело. Дискурс спорта низводит телесную целость до выразительности и мощи их конечностей, а наука второй половины XX в. говорит о «телеономическом теле на пересечении генетики, структурной лингвистики и кибернетики», т. е. теле, стремящемся к улучшению вслед за научно-техническим прогрессом (там же: 22). Экономика переформатирует тело в функцию от частной собственности, визуальной культуры маркетинга и потоков потребления, а освобожденное место тела в политике заменяет фигура общественного мнения.

Гиперинтериоризация в теории Крокеров связана с перепроизводством субъективностей, в каждой из которых тело рассматривается частично и специфическим образом. От калифорнийской нью-эйдж-культуры и идеи квазисакрального «знания собственного тела» до психоаналитической машины истолкования, в которой тело сквозь призму желания, эдипова комплекса и бессознательного распадается на множественные телесные опыты, — культура гипермодерна допускает различные способы говорения о множестве тел.

В качестве эмпирического материала Артур и Мэрилуиза Крокеры обращаются к следам исчезающего тела в современном искусстве. Фотографии американской художницы Франчески Вудмен из проекта «Spase», на которых изображены затуманенные фигуры женщин, застывших в неопределенном движении посреди интерьеров и в террариумах, сигнализируют о размывии границ между фантазией и психозом. Движения на снимках передают одномоментную множественность возможных телесных практик, говорят о «безграничности телесного скольжения» — неопределенности возможных конфигураций плоти (там же: 23).

Авторы обращаются и к другому проекту Вудмен — коллажу «Temple», на котором части человеческого тела переплетаются с античными колоннами и орнаментами, изображая греческий храм (там же: 24). Этот проект указывает на метафорический статус тела как руин, в котором отражается разрушенная культура цивилизации Запада. Но сами эти руины оказываются условием для заполнения пространства тела эстетической властью. Наконец, оба проекта говорят о статусе женского тела как изначально постмодернистского, похищенного властью, которая превращает его в страницу для вписывания социально-политического текста. Иными словами, женщина традиционно рассматривается как «производное» от мужчины как эталонного образца человека, в том числе телесного, и традиционно выполняет функцию дополнения. Такой взгляд подразумевает взгляд на женское, исходя из первоначальной теоретизации мужского (там же: 24).

Помимо проектов Вудмен, исследователи ссылаются на творчество канадской художницы Кэрол Вайнио и перформансы австралийского художника Стелиуса Аркадиу, известного под псевдонимом Stelarc. На полотнах Вайнио мы находим тела, смешанные с пространством пейзажа, разорванные волнами самого изображения. В перформансах Stelarc документируется изолированная внутренняя жизнь плоти — записываются сердцебиения, движения мускулатуры, давления кровотока, нарушается привычная целостность и очертание кожного покрова тела (там же: 25). Но вместе с технологизацией тела продолжается и его метафорическое расчленение. В качестве примера подобного «расчленения» естественной телесности Кро-

керы обращаются к рекламному плакату обувного бренда «Capezio», на котором изображена женщина, застывшая в неестественной позе с конечностями, покрытыми сапогами, и торсом, завешанным туфлями. Реклама, в которой потребители вынуждены узнавать самих себя, демонстрирует новый образ телесности, лишенной основания, усеченный и сведенный к собственному функционалу (там же: 33).

В одной из секций статьи авторы полемизируют с французскими философами Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари, которые в программной работе «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения» (Делёз, Гваттари, 2007) с помощью концептов «тела без органов» и «машин желания» обозначили основные действия власти по отношению к человеческому телу: его «деисторизацию» и «делокализацию», сведение к регуляции потоков желания (Kroker A., Kroker M., 1987b: 27). Исследователи считают, что в состоянии гипермодерна власть, напротив, оказывается локализованной в теле, поскольку в политике и медиа начинает воспроизводиться телесный дискурс Средневековья¹: тело истеризуется в СМИ, но и выступает как источник социально-политической истины. И такие характерные для американских 80-х проблемы, как наркозависимость, пьяное вождение и венерические заболевания, все они, удваиваясь в медиа, начинают ассоциироваться с современной «греховной» плотью. В таком воскрешенном, «средневековом» и исключенном теле заключается предельная манифестация исчезновения тела (там же: 27–28).

Описывая «исчезновение тела», авторы полемизируют и с положениями структурного функционализма Толкотта Парсонса. Ученые считают, что в концепции структурного функционализма обнаруживается пример опосредованной жизни, «vis mediatrix», и техницистского отчуждения фундаментальных концептов, сопряженных с человеческим телом (там же: 29) Один из них — здоровье, которое отныне трактуется как нечто отделенное от тела, реляционное и социально обусловленное. Здоровье контролируется властными институциями, как и болезни выражают накопленное общественное беспокойство. Авторы замечают, что «здоровье в состоянии гипермодерна — это сложная и размножающаяся система знаков, облеченная в язык биотехнологий» (там же: 30).

В кризисе находится и разум, который вытесняется интеллектом. Интеллект в структурном функционализме — это операционально-вычислительная способность и возможность мобилизовать то, что производит знание; у него нет содержания, он обладает только символической ценностью, но демонстрирует триумф языка науки как языка власти в технократиях, в которых обмен данными уподобляется денежному обмену.

Крокеры отмечают, что с развитием военных технологий обнаруживается ограниченность скорости человеческой реакции. Новые поколения истребителей оснащают шлемами виртуальной реальности, оружие компьютеризируется, а недостаточная ловкость воинов восполняется роботизацией, что, в свою очередь, созвучно логике «новых войн» (Афанасов, 2019). Вычислительные мощности начинают служить и индивидуализации потребителей, используются в рекламе: так, в рекламной кампании косметики известного бренда высокой моды «Escada» в 1986 г. покупателям предлагается компьютерная помощь в создании невиданных прежде цветосочетаний (Kroker A., Kroker M., 1987b: 32)

Подводя итоги, Артур и Мэрилуиза Крокеры обращаются к знакам гиперсовременного времени, в которых считывается устаревший характер естественной телесности, перерождающейся в новой, техногенной конфигурации (там же: 31–32).

Передовые технологии репродукции, планирования и контроля беременности, позволяющие следить за состоянием плода и прерывать зачатие по собственному усмотрению, выносят интимную жизнь в публичное поле, которое очерчивается новой законодательной базой, не успевающей, однако, за прогрессом генетики и евгеники. Деторождение отчуждается от материнского тела и становится независимым от него актом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ранние тексты Артура Крокера с их вниманием к взаимосвязи видоизменяющейся телесности и технологий и социально-политическим прочтением сексуальности и болезней оказались влиятельны. Его «тезисы об исчезновении тела» использовал философ Скотт Бьюкатман, разрабатывая собственную концепцию постмодернистской идентичности (Bukatman, 1993). Феминистский теоретик Энн Бальзамо, разрабатывая собственное прочтение фигуры киборга, оспаривала тезисы Крокера (Balsamo, 1996). Постгуманист Нэнси Кэтрин Хэйлес ссылаясь на статью о панической сексуальности в знаменитой работе «Как мы стали постлюдьми» (Haules, 1999). Философ А. В. Павлов отмечает, что ранние работы Крокеров и симптоматичны, и иллюстративны, поскольку демонстрируют общий «постмодернистский» вектор повышенного внимания к телесности и сексуальности в академии в 1980-е гг. (Павлов, 2019: 158–159).

В своем последующем творчестве Крокер переосмыслил ранние концепты. Паническая сексуальность и «исчезающее тело» с появлением Всемирной паутины будут дополнены новыми конфигурациями постчеловеческой телесности: гипертекстовой, рекомбинированной и др. (Kroker, Weinstein, 1994), и в этом нет противоречия. По мысли Крокера, опыт естественной, целостной человеческой телесности действительно был утрачен в 1980-х гг., но на смену ему пришли многочисленные конъюнкции человека и его технологического окружения, и каждое подобное сочленение требует собственной интерпретации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Под телесным дискурсом Средневековья Крокеры подразумевают возможность увидеть в каждом из нас внутреннего врага, что выражается в индивидуальной греховности и греховности плоти. Важно и то, что подобный дискурс подразумевает воздействие на человеческое тело в рамках вопрошания об истинном или ложном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасов, Н. Б. (2019) Новые войны — старая этика // Логос. Т. 29. № 3. С. 157–180.
- Афанасов, Н. Б. (2022) Постпостмодернизм как «ощущение конца» // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 75–86.
- Галкин, Д. В. (2003) Артур Крокер // Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. А. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск : Книжный дом. С. 489–490.
- Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2007) Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Краlechкина. Екатеринбург : У-Фактория. 672 с.
- Дуглас, М. (2000) Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громовой. М. : Кучково поле. 285 с.
- Зенкин, С. Послесловие к трансгрессии // Логос. Т. 29. № 2. С. 51–63.
- Найт, П. (2010) Культура заговора: от убийства Кеннеди до «Секретных атериалов». М. : Ультракультура. 381 с.

- Павлов, А. В. (2019) Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 558 с.
- Павлов, А. В. (2019а) Образы современности в XXI веке: Гипермодернизм // *Философский журнал*. Т. 12. № 2. С. 20–33. DOI 10.21146/2072-0726-2019-12-2-20-33
- Павлов, А. В. (2019б) Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм // *Знание. Понимание. Умение*. № 1. С. 69–83.
- Писарев, А. А. (2018) Под знаком конечности: социальная философия как эмпирическая философия // *Философские науки*. № 6. С. 139–143.
- Эпштейн, М. Н. (2006) *Философия тела*. СПб. : Алетейя. 432 с.
- Body Invaders: Panic Sex in America / eds. A. Kroker, M. Kroker. N. Y. : St. Martin's Press. 275 p.
- Balsamo, A. M. (1996) *Technologies of the Gendered Body: Reading Cyborg Women*. Durham : Duke University Press. 232 p.
- Bukatman, S. (1993) *Terminal Identity: The Virtual Subject in Post-Modern Science Fiction*. Durham : Duke University Press. 420 p.
- Genosko, G. (2005) *In the Shadow of McLuhan // Marshall McLuhan: Critical Evaluations in Cultural Theory*. Vol. I. Fashion and Fortune / ed. G. Genosko. London : Routledge. 1194 p.
- Hayles, K. N. (1999) *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetic, Literature and Informatics*. Chicago : The University of Chicago Press. 364 p.
- Heywood, L. (1996) *Dedication to Hunger: The Anorexic Aesthetic in Modern Culture*. Berkeley : University of California Press. 260 p.
- Jameson, F. (1982) *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press. 305 p.
- Kroker, A. (1984) *Technology and the Canadian Mind: Innis, McLuhan, Grant*. Montreal : New World Perspectives. 144 p.
- Kroker, A., Cook, D. (1987) *The Postmodern Scene: Excremental Culture and Hyper-Aesthetics*. Montreal : New World Perspectives. 320 p.
- Kroker, A., Kroker, M. (1987a) *Panic Sex in America // Body Invaders: Panic Sex in America / ed. A. Kroker, M. Kroker. N. Y. : St. Martin's Press. P. 10–19.*
- Kroker, A., Kroker, M. (1987b) *Theses on the Disappearing Body in the Hyper-Modern Condition // Body Invaders: Panic Sex in America / eds. A. Kroker, M. Kroker. N. Y. : St. Martin's Press. P. 20–34.*
- Kroker, A. Weinstein, M. A. (1994) *Data Trash: the Theory of Virtual Class*. Montréal : New World Perspectives. 160 p.
- Kroker, A., Kroker, M. (2022) *Technologies of the New Real: Viral Contagion and Death of the Social*. Toronto : University of Toronto Press. 204 p.
- Sterling, B. (1993) *Premonition of Spasm or Why I Read Arthur Kroker // Kroker, A. Spasm: Virtual Reality, Android Music and Electronic Flesh*. N. Y. : St. Martin's Press. P. 1–4.

Дата поступления: 14.04.2024 г.

THE CORPOREAL ASPECT OF ARTHUR KROKER'S SOCIAL PHILOSOPHY: FROM PANIC SEXUALITY TO THE DISAPPEARANCE OF THE BODY

D. K. MINAEV

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

In this article, the author turns to the problem of corporeality presented in the early works of Arthur Kroker, a popular in the English-speaking world but little known in Russia, Canadian media theorist and social philosopher. At the beginning of his intellectual career, Kroker was engaged in rethinking modernity, contrasting postmodernity first with the project of ultramodernity and later with the “state of hypermodernity”, and he did this long before the French social philosopher Gilles Lipovetsky.

Already at the early stage of his work, one of the main topoi for the thinker was the human body, whose natural semantic integrity was split by the culture of panic, medicalization, and the anticipation of technogenic transformations. Interest in the human body as the center of symptoms of current socio-political problems permeates the philosopher's entire oeuvre, so it seems important to analyze the initial concepts that laid the foundation for Kroker's "corporeal" social philosophy: "panic sexuality" and "disappearing body".

Using the example of the articles "Panic Sex in America" and "Theses on the Disappearing Body in the Hyper-Modern Condition», written by Arthur Kroker in co-authorship with his spouse and like-minded friend Marilouise Kroker, an attempt is made to show the formation of the author's strategy of addressing the body as a subject of current socio-philosophical thought.

Keywords: Arthur Kroker; postmodern; hypermodern; hyperreal; social philosophy; human; human body; panic culture; medicalization; Stelarc; Francesca Woodman

REFERENCES

- Afanasov, N. B. (2019) *Novye voiny — staraia etika. Logos*, vol. 29, no. 3, pp. 157–180. (In Russ.).
- Afanasov, N. B. (2022) Postpostmodernizm kak «oshhushhenie konca». *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 75–86. (In Russ.).
- Galkin, D. V. (2003) Artur Kroker. In: *Sotsiologiya: Entsiklopediia* / ed. by A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. M. Evel'kin, G. N. Sokolova and O. V. Tereshchenko. Minsk, «Knizhnyi dom» Publ. Pp. 489–490. (In Russ.).
- Douglas, M. (2000) *Chistota i opasnost': Analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu* / transl. from English by R. Gromova. Moscow, «Kuchkovo pole» Publ. 285 p. (In Russ.).
- Deleuze, G. and Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia* / transl. from French by D. Kralechkin. Yekaterinburg, «U-Faktoriia» Publ. 672 p. (In Russ.).
- Zenkin, S. Posleslovie k transgressii. *Logos*, vol. 29, no. 2. pp. 51–63. (In Russ.).
- Knight, P. (2010) *Kul'tura zagovora: ot ubiistva Kennedi do «Sekretnykh materialov»*. Moscow, «Ul'trakul'tura 2.0» Publ. 381 p. (In Russ.).
- Pavlov, A. V. (2019) *Postpostmodernizm: kak sotsial'naiia i kul'turnaia teorii ob'iasniaiut nashe vremia*. Moscow, «Delo» RANEPa Publ. 558 p. (In Russ.).
- Pavlov, A. V. (2019a) Obrazy sovremennosti v XXI veke: Gipermodernizm. *Filosofskii zurnal*, vol. 12, no. 2, pp. 20–33. DOI 10.21146/2072-0726-2019-12-2-20-33 (In Russ.).
- Pavlov, A. V. (2019b) Obrazy sovremennosti v XXI veke: cverhmodernizm. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 1, pp. 69-83. (In Russ.).
- Pisarev, A. A. (2018) Pod znakom konechnosti: sotsial'naia filosofiia kak empiricheskaia filosofiia. *Filosofskie nauki*, no 6, pp. 139–143. (In Russ.).
- Epshtein, M. N. (2006) *Filosofiia tela*. Saint-Petersburg, «Aleteiia» Publ. 432 p. (In Russ.).
- Balsamo, A. M. (1996) *Technologies of the Gendered Body: Reading Cyborg Women*. Durham, Duke University Press. 232 p.
- Bukatman, S. (1993) *Terminal Identity: The Virtual Subject in Post-Modern Science Fiction*. Durham, Duke University Press. 420 p.
- Body Invaders: Panic Sex in America* / ed. by A. Kroker and M. Kroker. New-York, St. Martin's Press. 275 p.
- Genosko, G. (2005) In the Shadow of McLuhan // *Marshall McLuhan: Critical Evaluations in Cultural Theory. Vol. I. Fashion and Fortune* / ed. by G. Genosko. London, Routledge. 1194 p.
- Hayles, K. N. (1999) *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetic, Literature and Informatics*. Chicago, The University of Chicago Press. 364 p.
- Heywood, L. (1996) *Dedication to Hunger: The Anorexic Aesthetic in Modern Culture*. Berkeley, University of California Press. 260 p.
- Jameson, F. (1982) *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca, N. Y., Cornell University Press. 305 p.
- Kroker, A. (1984) *Technology and the Canadian Mind: Innis, McLuhan, Grant*. Montréal, New World Perspectives. 144 p.

Kroker, A. and Cook, D. (1987) *The Postmodern Scene: Excremental Culture and Hyper-Aesthetics*. Montréal, New World Perspectives. 320 p.

Kroker, A. and Kroker, M. (1987a) Panic Sex in America. In: *Body Invaders: Panic Sex in America* / ed. by A. Kroker and M. Kroker. New-York, St. Martin's Press. 275 p.

Kroker, A. and Kroker, M. (1987b) Theses on the Disappearing Body in the Hyper-Modern Condition. In: *Body Invaders: Panic Sex in America* / ed. by A. Kroker and M. Kroker. New-York, St. Martin's Press. 275 p.

Kroker, A. and Weinstein, M. A. (1994) *Data Trash: the Theory of Virtual Class*. Montréal, New World Perspectives. 160 p.

Kroker, A. and Kroker, M. (2022) *Technologies of the New Real: Viral Contagion and Death of the Social*. Toronto, University of Toronto Press. 204 p.

Sterling, B. (1993) Premonition of Spasm or Why I Read Arthur Kroker. In: Kroker, A. *Spasm: Virtual Reality, Android Music and Electronic Flesh*. New York, St. Martin's Press. 185 p.

Submission date: 14.04.2024.

Минаев Даниил Кириллович — аспирант сектора социальной философии, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: dk.minaevkorobeynikov@gmail.com

Minaev Daniil Kirillovich, Postgraduate Student, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: dk.minaevkorobeynikov@gmail.com